

**А по моему мнению, рулетка
только и создана для русских**

Пиковая Лиза

Артем Дятлов

Арте́м Дятло́в

Пиковая Лиза

«Автор»

2026

Дятлов А.

Пиковая Лиза / А. Дятлов — «Автор», 2026

— А по моему мнению, рулетка только и создана для русских, — сказал я, и, когда француз на мой отзыв презрительно усмехнулся, я заметил ему, что, уж конечно, правда на моей стороне, потому что, говоря о русских как об игроках, я гораздо более ругаю их, чем хвалю, и что мне, стало быть, можно верить. Достоевский, "Игрок" Слова классика, в мире букмекеров, игротек и вселенского, поглощающей целиком коллекции игр - как никогда актуальны. Только вот рулетку заменили кубы, а вместо раздумий и сантиментов - психология и жаргон. Они были просто новичками. Но их свели специально. Найдут ли они в костях свое счастье, или же их разнесут на деньги и блеф? Лишь кости покажут, стоит ли игра свеч.

© Дятлов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Пиковая Лиза

Глава 1.

Что наша жизнь? Игра!
А.С. Пушкин, Пиковая дама

На дворе стоял двадцать первый век. В городе, среди кривых подворотен и центрального проспекта миллионника, почти в самом центре, возвышалось здание сталинской эпохи. Авангардное творение архитектора соседствовало с желтыми, банановыми развалюхами, закрытыми покрашенной штукатуркой. История района никого не интересовала, но прямо напротив цели возвышался памятник. На его подбитой табличке было написано о летчике, который спас город, приземлившись здесь еще до Великой Отечественной войны. Сам пилот, судя по эпитафии, погиб вместе с самолетом. Разве это не судьба, к которой шел Константин? Для своих он был просто Костей, и это имя служило ему якорем, одновременно детской травмой и жизненным ориентиром.

Лестница вниз, в арендованный подвал, с улицы выглядела как спуск в цоколь какого-то переоборудованного бизнес-центра, а не шлюзовая камера. Тяжелая дверь с доводчиком наверху отсекала гул мегаполиса, сирены и бесконечный цифровой шум, оставляя лишь мерный, астматический вздох вентиляции. В этом бетонном мешке время текло иначе. Потолок, обшитый звукопоглощающим поролоном, нависал над головами, создавая иллюзию барокамеры. Теснота не раздражала — она уплотняла воздух, превращая каждого вошедшего в часть единого нервного организма.

"Я знаю это место, хотя всегда смотрел на действо со стороны." - поймал себя на мысли Константин. Вход на платное мероприятие с ведущим и наборами из всевозможных геометрических тел стоил оплаты - не просто как основной метод заработка заведения, а как пропуск в святилище лудомана со своими ритуалами, экстазом и стоическим отношением к игре, - это был праздник, на который его пригласили как философа, описанного в записях Платона или письмах Марка Аврелия. Если ты не в духе, не мешай играть другим. Если ты хочешь получить приз от игротеки, взнос обязателен - как и необходимость выделить четыре часа жизни с шести до десяти и отсидеть за столами до самого конца после регистрации. Костя тут же подошел к продавцу остальных коробок, который знал любой еврострой или американский треш на полке, помнил в лицо каждого постоянного клиента, "держателя дисконта", и был заводилой в любой компании. Это не вышибала на входе в заведение для мажоров. Это просто представитель субкультуры посередине всех собравшихся, который записывал членский взнос мероприятия и выдавал призы по окончании. Правила есть правила - первый раз за счет заведения, но потом либо плати за игротеку, либо покупай набор как абонемент. - Как обычно? - служащий игротеки в фирменном мерче на футболке обратился к Косте. Это был контрольный вопрос: пьешь ли ты, куришь ли, принес ли свой реквизит или тебе нужно что-то еще. Пришел ли ты в игротеку за игрой, или же тебе просто нужен очередной филлер для дома и детей. - Почти. Сегодня играем, - Сказал с улыбкой Костя и не стал доставать бумажник, а посмотрел в камеру аппарата, служащего эквайрингом, магнитной кассой и носителем мудрости от вездесущих корпоративных кричалок, наподобие: "уже шесть миллионов клиентов Б. платят улыбкой." Чисто технически, это был просто автомат, где на кассе сотрудник игротеки уже выставил плату за посещение мероприятия, на которое пришел Константин. Высветив цифру из трех нулей, где расчет велся в рублях, продавец улыбнулся Косте и, махнув из-за кассы рукой, жестом пригласит из преддверия в чистилище. Игротека была еще полупустая, ибо на часах стояло полшестого, но кто-то играл в какой-то американский спагетти вестерн, смотрел

на часы, проверял реквизит, свой либо чужой, либо в углу заваривал чай, который для оплативших взнос был бесплатным. На витрине за Костей или на стойке у кассы могли стоять сухие энергетики или какие-то кислые жвачка и конфеты, но сегодня был день Той Самой Игры, и наш герой сегодня решил впервые поступиться принципами и прикоснуться к запретному плоду. Обычно он сидел в углу, в слепой зоне, наблюдая. Сам он еще не играл до этого. Он впитывал. Костя мысленно фиксировал каждое движение. Он видел, как в этом тесном пространстве разворачивалась драма человеческой природы. Местные завсегдатаи, эта закрытая каста «минусовых» и «дроверов» которые независимо от пола, статуса или первоначальных идеалов, давно забыли про внешний этикет. Здесь не было места для светских бесед. Жаргон, которым они перекидывались, был суров и беспощаден: «поймать на тильт», «слить в ноль», «прочитать стакан». Но за этими словами Константин слышал не просто игровой сленг, а приговоры. «Уйти в глубокий тильт» здесь означало не просто череду неудач, а духовное падение, момент, когда разум сдавался, уступая место слепой, животной жажде отыграться. Этот подвал-аквариум медленно переваривал их, и каждый новый вечер был лишь продолжением вчерашнего пожирания. Бездна, о которой Костя читал в старых книгах, не зияла под полом. Бездна открывалась прямо здесь, на столе, обтянутой клеенкой и укрытое ковриками с мерчем из синтетики, картонных полей или другими играми. Она пряталась под перевернутым кожаным стаканчиком с росписью шелкографией на прошитом нитками кожзаме. Внутри стакана было сукно, достойное казино, но изнутри слышался не стук. Это была мелодия, вызванная дешевой краской, легким креном у содержимого стакана, и настройке на заводе, откуда привозили и где прямо здесь продавали этот цветной бакелит. На полках и стойках с игровыми мелочами стояли упаковки бустеров, наборы для новичков, реквизит для хранения, переноса и сохранности какого-либо картона, чем-то ценного покупателю. А вот "палачи" стояли сегодня на витрине, в плетеной корзинке, как заманчивое предложение нырнуть с аквалангом. В ту самую темноту. Костя достал из сумки-мессенджера заветный "хабар" - его фирменные кости бежевого цвета, с рунами вместо точек и символом гербализма место единицы. От пластикового стакана из супермаркета в двух шагах отсюда еще не выветрился запах дешевого китайского "душка", но как способ держать себя в руках, Костю он вполне устраивал. Китч аксессуаром не имел значения. Для неофитов всегда существовал отгороженный ДСП дверью склад с играми, где на сегодня были припасены открытые наборы. Здесь люди не были богачами, но и низшим классом их не назовешь. Это были ролевики, спортсмены, хакеры, студенты, - устоявшееся поколение, которое выросло из детских шалостей, но сохранили инфантилизм и азарт к глубокому погружению в то, что их интересовало. Каждому завсегдатаю за любимый набор, примечательный образ или излишнюю удачу давали прозвище, и никто не обижался, не ругал и не выдвигал свои требования к компании. Это было пространство, заточенное под людей, но деньги не имели смысла. Главным был задор, репутация и тот факт, что ты можешь себе это позволить, здесь и сейчас - с работы до позднего вечера в десятом часу, строго по дням недели и объявлениям анонсов от редакторов соцсетей этой игротеки. Внешне Костю ничто не выделяло от гуру, кроме отсутствия покерфейса на бровях и стакана, который было удобно держать пальцами пианиста, как у Кости. Настоящие аксессуары либо продавались в комплекте на шестерых человек, либо приобретались по частям наборами. У Кости все это уже было дома, но здесь, в свой первый раз, он впервые будет играть с незнакомцами, которые друг друга давно знают. Здесь ценилась понимание школьного курса по теории вероятности, умение мыслить иррационально и лицо, натренированное держать нейтральную мину при плохой игре."

Разумеется, Костю тут все знали, и если он не приходил, то кто-то мог потом сказать за столом: «Костя сегодня в ауте. Он не пришел сегодня». Прийти к шапочному разбору после шести вечера приравнивалось к "фантомной смерти" или оправдывались проблемами на работе. У всех был свой стиль, свои кубы, и новых лиц обычно не видели довольно редко. Пять кусков акрилата обычно были местными, но любителя понтов или настоящего «заевого»

отличали фирменные зарики, с рисунком или особой «меткой» палача. Шиком был набор из твердой смолы с вкраплениями внутри, как на проходе во втором ряду. Металл и кости для варгейма ценились также широко. Многие играли пластиком, который можно было увидеть на полке для потомка кригшпиля, по двадцать штук за одну коробку, с шестеркой или точкой в форме символа каких-то орденов или инопланетной расы. Но для действия нужен был не весь набор. Обычно для себя и игроков «потеряшек» хватало пяти пифагоровых тел для себя, и остальное как одолжение «на всякий случай». Хорошим тоном считалось приводить друзей, приобретать кости на месте вместо оплаты, или просто не иметь вредных привычек. Тем, кому был неинтересен простой абонемент на мероприятие, всегда можно было приобрести за стоимость входа пятерку дайсов прямо с витрины или особый, кожаный стакан с сукном и кожаной крышкой. Но продавцы разрешали такой абонемент только как крайний случай, — торговаться за членство не принято. Непреложным правилом было наличие своего стакана и отсутствие «фокусов» — специально изготовленных наборов для шулерства. То, что большинство стаканов и содержимого завсегдатаи приносили с собой, никого не смущало, потому что организаторы помнили всех, кто когда-то приобретал своих «палачей», и с какой они были полки. Красивые или простые шестерки не имели приоритета за игрой — их брали не по балансу, а ради понтов. Разreshалось приносить свое добро — но тогда скидки в виде «пропуска за покупку» не давали. Новички вроде Кости обычно получали полный доступ, но наш неофит знал, что его запомнили как постоянного посетителя игротеки, и что оплата — достойная цена ради четырех часов угара и, возможно, привилегии за высокое место в рейтинге. Костя сжал пальцы, чувствуя, как внутри закипает холодное, расчетливое нетерпение. Он был готов нырнуть. Но после «символической оплаты» и входа в игру через группы по 3-6 человек, нужно было еще как минимум двое. Константин знал это чувство азарта и желание проявить себя еще с детства, когда на малой родине он впервые начал рисовать на бумаге «кин-двинь», с удивлением воспитателей и шумом от детей в одной группе с Костей. В бытие малышом он знал, что где-то там, в большом городе, есть лавки с разной всячиной, которые ослепляли детские глаза и вызывали восторг у взрослых, когда шелестел картон и открывалась упаковка. Костя был потерянным поколением — старшие в семье все еще называли нас «детьми», а прозвища выдавались по манере держать себя. Но здесь, в тесноте и духоте сталинского подвала, Костя чувствовал себя живым. Когда начали подходить игроки, по мере заполнения подвала с легкой побелкой, Костя вспоминал всех по именам и прикидывал их настроение и манеру играть. Вот Жора, прозванный за большой живот и стремление есть даже во время игры. Вот Виолетта — мать двоих детей и опытный аналитик в области психологии. Макар, которого все знали только под псевдонимом — он работал полицаем, и после смены сутки через трое, когда подходил подходящий день, его можно было увидеть «в гражданском», где все звали его по позывному на работе. Даша «Ворона» — студентка колледжа и главбух по призванию. Свою кличку она получила не за внешность или фамилию (хотя она всегда была в черном с воронеными волосами и в девичестве она была Ворониной) — у нее была причуда каждый раз просить набор «со склада», даже если у нее был свой. Программист Сергей «Радонежский» — для друзей просто «Радость» или «Дерек» — мастер из ремонтного салона с образованием в духовной семинарии. Его отчислили из послушников за какой-то грех, но он никогда не жалел, что стал админом — теперь он мог помогать на дому людям со всей округи, если что-то сломалось или надо было перепродать старье и купить новый прибор.

- Ой, гой если, Виолетта, - Подкольноул Сергей в проеме, когда обоим пришлось протискиваться через столешницу в зал для игры. Виолетта улыбнулась и кивнула Косте издалека: это она уговорила его пройти игру от начала до конца. Жора валился как танк, которому никто не посмел зажать место между столов или конкретную карточку для игры - Жора ветеран ККИ, но сегодня никто не распаковывает наборы для колодостроя - сегодня правят бал "Палачи", "Палифико" или умелый блеф. По словам продавца, за его "коллекцию" можно купить квар-

тиру в центре Москвы и никогда не думать о деньгах до конца жизни. Макару тоже хорошо платили на работе, но сегодня в участке за углом от метро не его смена - он пришел как смертный, и его коричневая куртка из гардероба дознавателя сегодня не говорила о том, что перед тобой настоящий мент. Макар сел отдельно, со своими "корешами", которых он на работе самостоятельно держал в вытрезвителе и которые боготворили его за то, что он не шил им статьи более чем "хулиганство" за нетрезвое появление на улице в темное время суток. Корешей Макара Костя не знал, но аромат клубники из вейпа, которого один из них курил "втихаря" говорил, что он был своим как на зоне, так и после выхода. Его уважали и сам Макар, и остальные за законное примерное поведение и за воровскую чуйку, которую он применял если начинало "пахнуть каталой". Были ли знакомые Макара сыскарями или это просто знакомые по работе - разница значения не имела, потому что здесь это практически одно и то же. Виолетта села вместе с "Вороной", и по старой памяти сразу достала из детского портфеля "одолжение на сегодня" - один из ее домашних наборов, в которые она играла с детьми у себя дома. Даша встретила хорошее отношение легкой улыбкой, какой можно было только просить родных и близких принять своего бойфренда, и по привычке начала их параноидально осматривать "на предмет дефектов" - как она выражалась. Сергей "Дерек" сел с Жорой, предварительно не доставая или прося набор у продавца за кассой, а обсуждая с Жорой предыдущий раз, когда они встретились на драфте в какую-то коллекционку - и судя по чеширской улыбке Жоры, за победу на том турнире товарищ заплатил немало.

Но тут, между столами, Костю отвлекло от обозрения еще одно лицо, которое, насколько ему известно, тоже было неонатом. Девушка двадцати лет в розовой ветровке и с цветным маникюром. Она перебрасывала кости напротив Константина, не обращая внимания на первые, пока еще не идущие в зачет раунды. Виолетта, начиная играть с Дашей "вне тильта", оторвалась от игры, и покачиванием головы указала на незнакомку: "Это твой соперник. Иди познакомься, пусть нам всем представится" - примерно это означало кивок в ее сторону и поджатые губы. Костя положил на клеенку стола с логотипом свой "рунический став" под стакан, и, оставив сумку на стуле, пошел через два стола и восемь метров по прямой к девушке, к которой он уже, несмотря на первый раз, стал проявлять симпатию. Вблизи это оказалась дружелюбная на вид блондинка с хвостиками по бокам и слегка розоватыми кончиками, подкрашенными в тон ветровке. Зеленые глаза, нежный взгляд, среднего роста и веса; от нее исходил аромат "розового" парфюма и легкой гламарией в виде румянца. Снизу, под столом, Костя увидел джинсы с принтом в виде вышивки какого-то кустарника, и черные кеды с белым носком. "Истинная Роза - и внешне, и по сути" - показалось Косте. Новенькая оторвала взгляд от набора, который тут лежал готовым к Игре, и посмотрела на него, будто это романтическая комедия: "Ты тоже пришел поиграть?" - голос был нежным и неброским, но при начале диалога Костя почувствовал, что у него пошел пот по лбу и даже в сталинском подвале с вентиляцией и кондиционером ему стало жарко. "Неужели это была ловушка Виолетты?" - подумалось пацану.

-Константин - кратко, но приветливо наш слон улыбнулся новенькой - да, я давно здесь был, но еще ни разу не играл.-Лиза - ответила блондинка, и Косте показалось, что она была с характером взрослой девушки, как сахарная вата или клубничное мороженое - чистая, но многое повидавшее и что ее так просто не разведешь - даже если говорить правду, она найдет к чему прицепиться, если с нее во время тильта сорвут все маски, и она останется "Мапуто".- Сыграем? - предложил Костя и показал рукой на остальные стаканы, которые продавец заранее разложил напротив каждого стула. -Давай, - согласилась Лиза, и одним хватом собрав все зарики, положив их в стакан так, что даже стука о дно Костя не услышал, и дождалась, когда я уселся напротив нее и взял первый попавшийся набор. Это было проблематично, потому что сзади в том же проходе сидел Жора, который "благосклонно" наклонил стул и стал на нем "висеть", немного покачиваясь - иначе просто Константин не мог бы протиснуться. Константин сидел напротив Елизаветы, чувствуя себя не столько игроком, сколько осажженным. Его

безразмерная серая кофта с серебряными молниями по бокам, задуманная как удобная броня от сквозняков, в свете люминесцентных ламп придавала ему сходство то ли с молодым рыцарем, то ли с интровертом, сбежавшим из киберпанка. Он нервно провел пальцами по коротким кудряшкам, словно поправляя невидимый шлем, и придвинул к себе синий стакан. Синие зарики внутри отозвались сухим, костяным стуком — звуком, который в двадцать первом веке заменил стук карет на мостовой.

Лиза играла красным. Ее красный стакан и такие же красные, с белыми точками, зарики лежали у нее в руках, как предметы роскоши. Она была воплощением дерзкой, почти наивной эстетики: два пучка блондинок с розовыми кончиками, зеленые глаза, в которых плясали чертики, и детский, клубничный румянец на щеках. Этот румянец, при ее-то двадцати годах, сбивал с толку сильнее, чем неудачный бросок. Розовая толстовка и джинсы с принтом цветущего куста делали ее похожей на существо из другого, более теплого измерения, которое по ошибке забрело в подвальную игротеку.

— Ну что, сэр Ланселот, — Лиза чуть наклонила голову, и ее пучки качнулись. В ее голосе слышалась улыбка, от которой у Кости предательски екнуло где-то под ребрами. — Роем кости?

— Роем, — глухо ответил он, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Они накрыли стаканы ладонями. Движение Кости было техничным, но зажатым; движение Лизы — ленивым, почти танцующим. Зарики зашуршали внутри пластика, как мелкие зверьки, ищущие выход.

Лиза первой открыла свой стакан. Костя скосил глаза, пытаясь перехватить взглядом ее комбинацию, но она, хитро прищурившись, слегка сдвинула ладонь, закрывая обзор, и тут же посмотрела ему прямо в карие глаза. Это было первое нарушение негласного этикета: в Костях Лжеца смотрят на кости, а не в глаза сопернику. Но Лиза смотрела в глаза.

— Два тукана и... четверка, — мягко, почти шепотом произнесла она, хотя до этого было далеко. — Мой бид: три четверки.

Костя моргнул. *Три четверки*. На столе десять костей. Вероятность того, что у нее есть еще четверки или туканы (ведь единицы-туканы в Перудо заменяют любую цифру), была статистически обоснована. Но он смотрел на ее губы, обведенные легким блеском, и понимал, что думает сейчас не о математическом ожидании, а о том, пахнет ли ее клубничный румянец так же близко, как кажется.

Он осторожно приподнял край своего синего стакана. У него было два тукана и одна четверка. Отличный расклад. Но вместо того, чтобы уверенно повысить ставку, он почувствовал, как краснеют уши.

— Четыре четверки, — сказал он, стараясь звучать твердо, как подобает рыцарю.

Лиза не посмотрела на свои кости. Она смотрела на него. Зеленые глаза казались огромными. Она медленно провела пальцем по краю своего красного стакана, и этот жест, лишенный всякой игровой необходимости, был чистым флиртом, замешанным на адреналине и запахе пластика.

— Четыре четверки... — протянула она, и в ее голосе прозвучала легкая, дразнящая нотка. — Ты уверен, Костя? Может, ты просто палишь мой блеф? Или у тебя самого туканы сидят?

В игротеке засмеялся Жора за соседним столом, который "расслабился" и чуть не придавил пацана стокилограммовой тушей. Но Костя не слышал и не чувствовал ничего. Его мир сузился до десяти красных и синих граней. Жаргон, которым они обменивались — *биды*, *туканы*, *паль* — вдруг обрел пугающую, интимную двойственность. Она не спрашивала про кости. Она спрашивала, видит ли он ее насквозь. До самого конца он не узнал, что Виолетта, которая играла с Дашей через два стола, в этот момент улыбнулась улыбкой доброй мачехи: да, пара вышла идеально, как и хотелось настоящей маме с двумя детьми. Собеседник и спар-

ринг партнер Жоры - Сергей тоже улыбнулся, как будто уже благословил молодежь, будучи по работе иереем, а не программистом.

— Уверен, — выдохнул Костя, расправляя плечи, отчего серебряные молнии на кофте блеснули ярче. — Повышаю. Пять четверок. Твой ход, Лиза.

Она улыбнулась, и эта улыбка была опаснее любого проигрыша. Лиза подалась вперед, опираясь локтями о стол, вторгаясь в его личное пространство. От нее пахло ванилью и чем-то еще, сладким и дурманящим.

— Пять четверок на десяти костях... — прошептала она, и ее лицо было в каких-то двадцати сантиметрах от его. — Это смело. Очень смело. Но знаешь, Костя...

Она замолчала, и повисла та самая, гоголевская, почти мистическая тишина, когда черт вот-вот выскочит из табакерки, а пушкинская страсть готова сжечь разум. Лиза подняла руку, собираясь либо повесить бид, либо бросить ему в лицо слово «Лжец», которое в этой игре звучит как признание в любви или приговор.

— Ребята.

Голос админа игротeki, Михаила, прозвучал как удар хлыста, разорвавший шелковый полог. Михаил, человек с вечным маркером в руке и списком участников в другой, стоял над ними с виноватым, но твердым видом.

— Извините, что вмешиваюсь, — сказал он, глядя не на них, а на свои часы. — Но у нас через две минуты сбор на основной турнир. Мне нужно объявить всех участников и закрепить столы. Сворачивайте игру, Костя, Лиза. Если не закончили партию — фиксируем ничью или считаем по оставшимся костям.

Заклинание рухнуло. Зеленые глаза Лизы на мгновение потемнели от досады, но тут же снова зажглись озорными чертами. Она откинулась на спинку стула, подбирая свой красный стакан.

— Ничья, — сказала она, и в ее голосе уже звенел обещанный продолжение разговор. — Но в следующий раз я вскрою твоих туканов, сэр Ланселот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.